

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Баразгова Е.С.

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и социологии управления
Уральского института – филиала, Российской академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Россия),
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, к. 507, evgeniya.barazgova@uapa.ru

Лихачева Л.С.

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной
деятельности, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620019, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, evgeniya.barazgova@uapa.ru

УДК 352
ББК 65.050.23

В статье рассматриваются моногорода как особый тип городских поселений, общество которого развивается по различным сценариям в зависимости от специфики социально-экономического развития. Особый акцент в рамках исследования сделан на формировании социальной солидарности. Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Будущее уральских моногородов: разрыв или солидарность поколений?», поддержанного РГНФ и Правительством Свердловской области (№ 13-13-66011 а(р)).

Ключевые слова: социальная солидарность, моногорода.

**Barazgova E.S., Likhacheva L.S.
SOCIAL SOLIDARITY AS A MONO-TOWN DEVELOPMENT PROBLEM:
TYPOLOGICAL APPROACH**

The article discusses the towns as a special type of urban settlements, whose society is developing in different scenarios depending on the socio-economic development. Special emphasis in the study on the formation of social solidarity. Article was prepared within the framework of the project «the future of single-industry towns: breaking the Uralic or intergenerational solidarity?», supported by the Government of the Sverdlovsk region and RFH (N 13-13-66011 a(r)).

Key words: social solidarity, the towns.

Тема развития моногородов приобретает особую актуальность в период экономической и технической трансформации социальных систем. Города, создаваемые для решения определенной узкой функции, подвержены кризисам в условиях структурной перестройки экономики и производства. Данную связь испытали в свое время моногорода Великобритании и ФРГ, в 2000-е годы она обнаруживается в функционировании российских моногородов.

Моногорода представляют собой особый тип городских поселений, социально урбанистических систем и социальных сообществ, сложившихся на индустриальной стадии развития общественного производства. Их формированию способствовали несколько

социальных процессов: 1) индустриализация; 2) специализация промышленных производств; 3) концентрация производств; 4) урбанизации структуры, образа и стиля жизни промышленных поселений. В СССР процесс распространения типа моногородов в урбанистической структуре страны проходил в условиях утверждения принципов ускоренной индустриализации, милитаризации экономики и мобилизации населения на решение стратегических задач. Свидетельством доминирования указанных принципов является утверждение режима закрытости для многих моногородов. В настоящее время число моногородов в России составляет около 400. В Свердловской области в этот список включены 13 городов. Традиционно население

моногорода организовывалось вокруг одного или нескольких предприятий. 25% экономически активного населения такого города являются работниками, другая часть горожан – бывшие работники, ныне пенсионеры, и, наконец, члены семей настоящих и бывших работников. В этих условиях в моногородах складывалась социальная общность, объединенная системой разделения труда на градообразующем предприятии и сознанием важности миссии выполнения производственного задания, значимого для обеспечения благосостояния страны. Описываемая социальная общность в условиях нормального функционирования градообразующих (базовых) предприятий обладает значимым мобилизационным потенциалом. В условиях переструктурирования экономики данная общность обретает риск разрушения, что делает чрезвычайно актуальной задачу конструирования общности на новых социальных и экономических основаниях.

В 2010 году авторы данной статьи инициировали и осуществили межрегиональный проект (в проекте приняли участие исследовательские коллективы, представляющие 5 регионов России – Дальний Восток, Сибирь, Урал, Поволжье, Центральная Россия.), целью которого была диагностика способности социально-территориальных общностей моногородов различных регионов России к конструированию социально-экономических перспектив на основе имеющихся ресурсов. В развитие проекта 2010 года мы считаем полезным углубить исследование, сосредоточившись на изучении человеческих ресурсов моногородов, обозначив их состояние понятием «социальная солидарность».

В истории классической социологии имеется традиция анализа социальной солидарности, обращение к которой оказывается полезным в выявлении специфики отношений между людьми в условиях моногородов. Решению данной задачи, на наш взгляд, может способствовать более подробный обзор взглядов Ф. Тённиса, Э. Дюркгейма и Т. Парсонса.

Ф. Тённис в своем ставшем классическим труде «Общность и общество» [1] противопоставлял семейные, соседские, дружеские отношения – т.е. отношения, построенные на чувствах и эмоциях, отношениям в обществе, принцип и основа которых — рациональный обмен. В отличие от общностей, в которых сохраняется единство, независимо от любого распределения (полномочий, обязанностей и т.п.), в обществе господствует разобщенность, обособленность в условиях формальной взаимообъединенности, поскольку здесь каждый человек делает что-то для другого только рассчитывая на определенную выгоду. Настоящую солидарность Ф. Тённис усматривал именно в отношениях внутри общности, где связи между людьми характеризуются согласием и взаимопониманием,

тогда как в обществе солидарность возникает только как результат внешнего влияния. Таким образом, Ф. Тённис связывает солидарность, прежде всего, с искренними человеческими чувствами и стремлениями, то есть с аффективными проявлениями личности в общности.

Следуя выводу немецкого классика, мы можем предположить, что социально – территориальная общность населения моногорода может иметь дополнительный потенциал солидарности.

Иначе явление социальной солидарности рассматривал Э. Дюркгейм в работе «Об общественном разделении труда». Он писал: «...наиболее поразительное следствие разделения труда состоит не в том, что оно увеличивает производительность разделенных функций, но в том, что оно делает их солидарными» [2, с. 62]. В рамках его концепции солидарность выступает социальным фактом – элементом реальности, создаваемым взаимодействием людей, но находящимся вне индивидуальных сознаний. Социальная солидарность есть проявление духовной готовности действовать совместно согласно моральным и правовым правилам, вырабатываемым в обществе и обязательным для исполнения каждым из его членов. В развитии общества складывается высший вид органической солидарности, та, которая основывается на автономии индивидов, распределении функций, функциональной взаимозависимости и взаимообмене. «Механическая солидарность не только вообще слабее связывает людей, чем органическая, – отмечал Э. Дюркгейм, – но даже, по мере того как мы продвигаемся в социальной эволюции, все более и более ослабевает» [2, с. 146].

Таким образом, мы можем зафиксировать принципиальное различие между Ф. Тённисом и Э. Дюркгеймом во взглядах на солидарность, формируемую в разделении труда. Ф. Тённис не считал ее «настоящей солидарностью», Э. Дюркгейм же видел в ней высший уровень развития социальной солидарности.

Осмыслив постулаты Ф. Тённиса и Э. Дюркгейма, можно заключить, что специфика экономической структуры моногорода способствует формированию и укреплению отношений и «настоящей», и «органической» солидарности между его жителями. Разделение труда естественно приобретает в моногороде эмоциональный и моральный характер, поскольку потребности в порядке, гармонии, общественной солидарности понимаются и признаются всеми в качестве личных.

Еще более интересными в контексте данной темы представляются тезисы Т. Парсонса, высказанные им в работе «Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения» [3, с. 94 – 122]. Согласно им, солидарность – это показатель интегрированности системы, сплоченности ее членов. Помимо желания «действовать вместе», в солидарности еще есть

желание «чувствовать вместе», «быть вместе» и, собственно, знать об этой своей совместности, рассматривать как ценность сам коллектив. В данном положении усматривается связь социокультурной идентификации и солидарности, в которой первая является необходимым, но не достаточным условием второй. Солидарность предусматривает готовность «действовать вместе» в отличие от идентификации как готовности присоединиться к общим ценностям и символам. Сегодняшние социологи признают описанную связь, но, на наш взгляд, не уделяют должного внимания различиям между идентификацией и солидарностью.

Мы находим у американского социолога и положения, по существу, непосредственно обращенные к моногородам. Прежде всего, это касается очень точного, на наш взгляд, определения: «Экономика – это тот аспект социетальной системы, который функционирует не только для социального упорядочения технологических процедур, но, что более важно, и для включения их в социальную систему, и для контроля за ними в интересах социальных элементов, индивидуальных или коллективных» [3, с. 106]. Как было отмечено выше, в советский период, период индустриализации экономика и социальное устройство моногородов находились в гармоническом сочетании друг с другом. В период учреждения рыночных экономических отношений эта гармония была нарушена, что предъявило городской общности дополнительный запрос на интеграцию, формирование солидарности в качественно изменившихся экономических условиях. «Процесс социальных интеракций ... , – писал Т. Парсонс, – образует самостоятельную систему, которая в аналитическом плане независима от систем личности, культуры и организма. Эта независимость становится наиболее очевидной, когда на первый план выступают требования интеграции, столь необходимой системам социальных отношений» [3, с.97].

Т. Парсонс предлагал представить общество как единый коллектив, называя его при этом *societal community* [3, с.101]. Нам представляется, что в данном словосочетании указывается на возможность единения двух смыслов: *единства общности* – эмоционального чувства единства коллектива, и *солидарности общества* – состояния, достигнутого в истории ценностного и институционально регулируемого единства. По отношению к данным общностям и было развито понятие солидарности, в котором мы склонны усматривать характеристику оснований солидарности населения моногородов. Эти основания сводятся к следующим моментам:

1. Члены такого сообщества по преимуществу живут вблизи от места своей основной деятельности.

2. Резидентность предполагает нахождение не вообще на каком-то месте, но на определенной «производственной» территории.

3. Территория общества — это территория нормативно и политически контролируемая, иначе говоря, помимо общих чувств и общих ценностей, члены коллектива находятся под общим контролем и порядком принуждения.

Анализ положений классических теорий, проведенный под углом зрения исследуемого нами объекта, позволяет сделать следующие выводы:

1. Социальная солидарность есть определенное состояние отношений в различных типах общностей.

2. Отношения солидарности являются системным результатом всего строя экономической, хозяйственной, политической, социальной и духовной жизни общностей.

3. Социально-экономическая система и структура моногородов наиболее благоприятна для формирования состояния солидарности в общности.

Кризис экономики российских моногородов, разразившийся в 1990-е – 2000-е годы, поставил перед исследователями два принципиальных вопроса:

- 1) Какие факторы, способствуют сохранению или разрушению солидарности их жителей?

- 2) Каковы формы проявления солидарности в кризисный период [4].

В попытке найти ответы на поставленные вопросы, мы обратились к типологическому подходу как совокупности теоретико-методологических процедур, позволяющих разделить и упорядочить множество однородных исследовательских объектов на основании описания их сходства и различий. В ходе реализации проекта 2010 года нами были выделены ведущие факторы функционирования и развития моногородов. К ним отнесены: географический, исторический, политический, хозяйственный, ценностный и коммуникационный факторы. На основании изучения содержания и значимости влияния этих факторов на функционирование и развитие каждого из моногородов стало возможным выделение нескольких типов моногородов. Данный методологический ход позволил зафиксировать реальное разнообразие российских моногородов, и, соответственно, разнообразие возможных путей их развития. В представлении типов моногородов в данной статье мы обращаем внимание на складывающиеся в них условия развития социальной солидарности населения. Такой подход выстроен на основании гипотезы авторов о том, что солидарность социально-территориальной общности выступает значимым ресурсом развития моногорода.

Влияние географического фактора было зафиксировано в характеристике природо-ресурсного потенциала территории. Природо-ресурсный потенциал

представляет собой совокупную способность территории обеспечивать жизнедеятельность населения и удовлетворять его потребности в развитии [5]. Именно ресурсный потенциал территории диктует возможности хозяйственного использования имеющихся природных ресурсов территории. В свою очередь, это конструирует: структуру занятых людей, проживающих на ней; характер отношений между ними; вектор развития культуры как системы ценностей; нормы поведения по отношению к природе и самим себе. В границах ресурсного потенциала население конструирует себя как уникальную социальную общность. На основании экспертной оценки состояния природо-ресурсного потенциала территории были выделены следующие типы моногородов (реально моногорода могут нести в себе черты не только одного из выделенных типов, однако черты основного из них являются для моногорода преобладающими):

1. Моногорода, обладающие достаточным природо-ресурсным потенциалом для продолжения хозяйственного развития в освоенном направлении, т.е. для дальнейшей рентабельной деятельности градообразующего предприятия.

2. Моногорода, которые к настоящему времени исчерпали или значимо истощили природо-ресурсный потенциал, что диктует необходимость поиска новых хозяйственных стратегий для сохранения их жизнеспособности.

3. Моногорода, которые, благодаря географической близости к крупным городам, иным поселениям и вновь осваиваемым близлежащим территориям, могут изменить направление хозяйственной деятельности и преодолеть экономическую ограниченность моногорода.

Данная типология позволяет предположить, что города первого из выделенных типов способны укрепить солидарность жителей, т.к. сохраняется ее ценностная и функциональная основа. В городах второго типа солидарность становится фактором интеграции и мобилизации для поиска выхода из экономического кризиса. В городах третьего типа солидарность сужается в своих основаниях и меняется в своих проявлениях.

Влияние истории возникновения и развития моногорода было проинтерпретировано нами в двух перспективах: во-первых, социально-экономические особенности периода становления, и, во-вторых, степень технического и технологического соответствия градообразующих производств в моногородах современному уровню развития производительных сил страны. Взятые в контексте своей истории моногорода были разделены на следующие типы:

1. Города, которые развивались вокруг индустриальных производств с низкой научноемкостью тех-

нологий, требующих невысокой квалификации большого количества работников с ограниченным уровнем квалификации. Эти города сыграли значимую роль в общей индустриализации страны. Население таких городов сохраняет убеждение в том, что выполняло миссию оплота мощи страны, но его исторические заслуги игнорируются современниками.

2. Города, которые развивались вокруг производств, сложившихся в эпоху научно-технической революции, и которые обладали научноемкими технологиями и персоналом с соответствующим уровнем образования и квалификации. Это города, в которых на сегодняшний день во многом исчерпан потенциал технологического и кадрового роста, что осознается населением и воспринимается как угроза жизнеспособности города и общности.

3. Города, которые развивались вокруг производств, потребность в продукции которых была высока на предшествующих этапах истории страны, но в настоящее время снизилась, что влечет за собой снижение рентабельности деятельности градообразующих производств и возрастание неопределенности будущего города и его населения.

Такая типология дает основания для следующих выводов. Солидарность общности городов первого типа находится в кризисе потери ценностных оснований и теряет свою роль развивающего фактора. Более интересная ситуация, на наш взгляд, складывается в городах второго типа. Солидарность проявляется здесь как общее признание и понимание необходимости изменений в развитии города и экономическом поведении горожан. В складывающейся ситуации на передний план выдвигается семейная солидарность и солидарность между поколениями. В городах третьего типа солидарность в известной мере разрушается, но остается на периферии отношений между людьми как солидарность резидентов, живущих по соседству, но потерявших связи в системе разделения труда.

В исследовании четко обозначилась роль *политического фактора* в судьбе моногородов. Закономерным представляется факт определяющей роли государства в становлении моногородов. Они создавались ввиду государственной необходимости в период от эпохи Петра I до середины XX века. Интересным представляется та особенность, что бизнес в досоциалистическую эпоху выполнял государственный заказ по обеспечению становления и развития городов- заводов (современных моногородов). В советское время государство выполняло одновременно две роли – субъекта, определяющего стратегию и тактику развития, и социального агента, ответственного за организацию деятельности социальных институтов и ключевых акторов. Ситуация меняется в связи с переходом страны к рыночной экономике. Бизнес приоб-

ретает права собственности над градообразующими предприятиями в моногородах, но не готов принимать ответственность за благосостояние людей, в них проживающих. Тем самым, в моногородах складывается кризисная ситуация, имеющая не только экономическую, но в большей мере социальную и гуманитарную компоненты. Острота ситуации и ее конкретное содержание позволяет разделить моногорода на следующие типы:

1. Города, в которых налаживается эффективное взаимодействие между населением города (общностью горожан и общественных организаций), муниципальными органами власти и бизнесом; это города, в которых в новых условиях происходит переконструирование общности, изыскиваются ресурсы дальнейшего развития, обеспечиваются его перспективные кадровые потребности. Исследование показало, что такое направление развития кризисной ситуации в моногородах определяется уровнем социальной ответственности и компетентности всех названных выше агентов.

2. Города, в которых описанное выше взаимодействие не складывается, и каждый из социальных агентов и акторов – население, власть и бизнес – строят стихийные, временные, тактические контакты. В этих контактах возможно реализуются частные краткосрочные интересы, но при этом обостряется кризисная ситуация в городе, нарастает неопределенность и социальная напряженность.

3. Города, в которых наблюдается атомизация городского пространства и социальной общности, население оказывается предоставленным самому себе, каждое домохозяйство строит тактику выживания.

В описании представленных типов по существу присутствуют характеристики солидарности. В первом происходит перестройка ценностных оснований, но сохраняется единство общности. Во втором традиционные основы солидарности разрушены, но возможно ее ситуативное достижение на основе единства некоторых общих интересов горожан. В городах третьего типа «органическая солидарность» разрушена, но можно предположить складывание при внешней необходимости «механической солидарности».

Роль *экономического фактора* в развитии моногородов представляется многим исследователям ключевой. Но в ходе реализации проекта нами был выявлен факт определяющей роли для перспектив моногорода не только экономического, но хозяйственного фактора. Не углубляясь в этимологические рассуждения, отметим, что хозяйство и экономика, взаимодействуя друг с другом, различаются в своей содер жательной доминанте. Экономика подразумевает способ ведения хозяйства, тогда как хозяйство есть совокупный системный результат его осуществле-

ния. В нашем контексте это означает, что перспективы каждого из моногородов зависят от состояния его хозяйства и избранного экономического способа распоряжения им. Способ распоряжения хозяйством моногородов вырабатывается с учетом многих факторов. Но в его предложении должно учитываться состояние хозяйства в городе: состояние основных фондов градообразующего предприятия, состояние ЖКХ, состояние социальной инфраструктуры и т.д. На основании анализа статистических данных и мнений экспертов, позволяющих в известной мере оценить состояние хозяйства обследованных моногородов, стало возможным выделение следующих типов моногородов:

1. Города, хозяйство которых обеспечивает рентабельность работы градообразующего предприятия, а городская инфраструктура обеспечивает качество жизни, удовлетворяющее горожан.

2. Города, ресурсы которых обеспечивают рентабельность работы градообразующего предприятия, которое при этом не заинтересовано в обеспечении лояльности работников предприятия, их качества жизни и поддержании городской социальной инфраструктуры.

3. Города, хозяйство которых не обеспечивает рентабельность работы градообразующего предприятия, но городская инфраструктура не вызывает нареканий горожан и рассматривается ими как конкурентное преимущество города.

4. Города, в которых хозяйство не обеспечивает рентабельность работы градообразующего предприятия, пришло в упадок, нет ресурсов для его восстановления и горожане не имеют возможностей смены жительства.

5. Города, в которых имеются ресурсы развития, которые используются населением, что становится основанием диверсификации экономики города и преодолением ограниченности экономики моногорода.

И по отношению к данным типам моногородов, по нашему мнению, несложно представить направление развития отношений солидарности. В современных успешных городах солидарность населения укрепляется в том числе и за счет гордости за свое предприятие, за свой город, получившие благоприятные перспективы развития. В городах второго типа солидарность приобретает вынужденную ограниченность и проявляется как единство интересов резидентов в сохранении и укреплении инфраструктуры, благоприятной для жизни. В городах третьего типа солидарность разрушается, ее сменяют отношения отчуждения людей и семей, борющихся за выживание в неблагоприятных экономических условиях. На смену солидарности городской общности приходит сплоченность семей. В городах четвертого типа складывается

механическая солидарность людей, попавших в ситуацию выживания. И, наконец, в городах пятого типа происходит развитие «органической солидарности», основанием которой выступает согласие людей соединить свои индивидуальные ресурсы во имя удовлетворения общих интересов горожан, направленных на развитие города и повышение благосостояние его жителей.

Следующим значимым фактором развития моногородов является *ценностный фактор*. Его значение является первостепенным, т.к. в системе ценностей горожан нашло отражение влияние всех выше описанных факторов. В ходе сбора информации для описания моногородов и ее анализа участники региональных исследовательских групп констатировали факт единства социокультурной идентификации населения всех моногородов: оно заключалось в мобилизационном характере мотивации активности. Этому общему настрою есть объяснение: все моногорода основывались в разные времена как города – функции, а население воспринимало свою деятельность как миссию, определенную государством. Трансформация отношения государства к моногородам осознается и вызывает ценностный шок, который в известной мере сковывает активность населения. Люди оказываются дезориентированными и, что важно подчеркнуть, не имеют навыков самоорганизации [6, 7].

Необходимость содержательной конкретизации последнего вывода потребовала различия двух понятий, в которых фиксируются границы конструктивной способности горожан: *социальный агент* и *социальный актор*. Приведем определение понятий в их соотнесении: агент осуществляет деятельность, которая определяет лишь возможности, предоставляемые внутренними («индивидуальностью» и культурой) и внешними (социальной системой) факторами развития социально-территориальной общности; актор же является носителем действия, благодаря которому возможность превращается в действительность [8]. Принятое различие понятий «агент» и «актор» помогло выстроить авторскую гипотезу: история моногородов формировалась в людях качества успешных акторов, направление деятельности задавалось социальной системой. Современность предъявила запрос на качества и акторов, и агентов. В задачу последних как раз вошло выявление ресурсов и возможностей дальнейшего развития моногородов. Соответственно были выделены моногорода следующих типов:

- Города, имеющие социальных агентов развития – лидеров в общности, представителей бизнеса, представителей муниципальной власти, заинтересованных в поиске ресурсов развития и способных организовать использование ресурсов во взаимодействии с социальными акторами.

- Города, имеющие определяющих социальных агентов развития вне города. Они не заинтересованы в конструировании взаимодействия с социальными группами горожан, которые в этих условиях не могут взять на себя роль акторов, чьи действия творят изменения.

- Города, не имеющие социальных агентов развития и нуждающиеся в помощи социального окружения в выводе общности из кризиса.

Данная ось построения типологии моногородов высвечивает ту сторону солидарности, на которую ни классики социологии, ни современные исследователи не обращают, на наш взгляд, должного внимания. Речь идет о структуре солидарной общности. Солидарность формируется на целом комплексе оснований, о чем речь шла выше, она сообщает общности моральную и активистскую сплоченность. Ее проявление предполагает наличие лидеров (социальных агентов), способных и готовых возглавить солидарную активность социальных акторов по развитию общности. Такой подход диктует различие населения моногородов по признаку наличия или отсутствия в них социальных агентов. Первые могут характеризоваться как общности активистской солидарности, обладающие значимым ресурсом развития, вторые – как общности пассивной солидарности.

Роль коммуникации в социальном процессе наиболее глубоко и последовательно оценил, как известно, один из создателей неклассической социологии Ю. Хабермас. Коммуникация есть процесс, характеризующий социальное взаимодействие, основанное на понимании его участников и согласовании его содержания и целей. «Коммуникативными я понимаю такие интеракции, – писал он, – в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий...» [9, с. 91]. В этом постулате Ю. Хабермас предстает последователем и К. Маркса (как истый представитель Франкфуртской школы), и М. Вебера. Он одновременно раскрывает механизм целеустремленного взаимодействия в обществе и понимания между его членами. К этому необходимо добавить эксплицитные возможности категории «дискурс», которая обозначает основу коммуникации. Таким образом, коммуникативный фактор присутствует в деятельности каждой общности, ее коммуникативное пространство определяется ее масштабом.

В построении типологии современных российских моногородов коммуникативный фактор отображен, соответственно, в двух типах:

- Город, чье хозяйство адаптировано к условиям рыночной экономики и пространство социально – экономической активности стремится к увеличению.
- Город, потерявший свою функциональную значимость в период российской трансформации кон-

ца ХХ века и сузивший пространство социальных и экономических коммуникаций.

В моногородах первого типа углубляется разделение труда, что стимулирует развитие солидарности, проявляющееся в построении дополнительных кодов и символов коммуникации [10]. И, наоборот, в городах второго типа солидарность не стимулируется развитием коммуникаций и оказывается ограниченной повседневными взаимодействиями горожан, что способствует сокращению сложившихся ранее средств коммуникации.

Таким образом, проведенный анализ социальной солидарности в контексте проблемы развития моногородов и высказанные гипотезы позволяют нам прийти к следующим выводам. Аналитический вывод: типологический подход в рассмотрении перспектив развития моногородов позволяет предположить наличие различного потенциала солидарности и форм ее проявления в будущем конкретных социально-территориальных общностей. Методический вывод: эмпирическое исследование состояния солидарности в моногородах должно включать в себя системную типологическую диагностику моногорода, реконструкцию конкретных условий развития солидарности общности горожан, и, наконец, оценку значимости солидарности как фактора развития конкретного города.

Литература:

1. Тённис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб: Издательство «Владимир Даль», 2002. 386 с
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.
3. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94-122.
4. Ядов В. А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 90 – 93.
5. Яндыганов Я.Я. Экономика природопользования. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. 184 с.
6. Кулинченко А.В. Государственная власть и процессы общественной самоорганизации (К вопросу о государственном строительстве в современной России) // Политические исследования. 2004. № 6. С. 108 – 111.
7. Левашов В.К. Морально – политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социологические исследования. 2004. №7. С. 27 – 45.

8. Александр Дж. После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследований / Под ред. С. И. Григорьева (Россия), Ж. Коэнен Хуттера (Швейцария). М.: Интеллект, 1998. С. 231 – 249.

9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 379 с.

10. Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с немец. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. 359 с.

References:

1. Tönnies F. Genseinschaft und Gesellschaft: Grund-begriffe der reinen Soziologie. / Transl. from German by D.V. Sklyadnev. SPb.: «Vladimir Dal» Publishing, 2002. 386 p.
2. Durkheim E.O. On division of labour in society. Sociological method / Transl. from French and afterword by A.B. Hofman. M.: Nauka, 1990. 575 p.
3. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения Parsons T. The Concept of society: the components and their interrelations // THESIS. Vesna 1993. V. 1. Iss. 2. P. 94-122.
4. Yadov V.A. The solidarity of Russians in everyday life and on a nationwide scale // Society and Economy. 2002. N 12. P. 90 – 93.
5. Yandyganov Ya.Ya. Economics of nature management. Ekaterinburg: UStU Publishing, 1993. 184 p.
6. Kulichenko A.V. Government authorities and public self-organization processes (To the issue of nation-building in modern Russian) // Political Research. 2004. N 6. P. 108 – 111.
7. Levashov V.K. Moral and political consolidation of the Russian society in the context of neoliberal transformations // Sociological Research. 2004. № 7. P. 27 – 45.
8. Alexander J. After neofunctionalism: activities, culture and civil society // Sociology at the threshold of the XXI century. New research trends/ ed. S.I. Grigoriev (Russia), Coenen-Hutter J. (Switzerland). M.: Intellect, 1998. P.231 – 249
9. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action / Transl. from German by D.V. Sklyadnev, afterword by B.V. Markov. SPb.: Nauka, 2000. 379 p.
10. Luhmann N. Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie / Transl. from German by K.Timofeeva. M.: Logos, 2007. 359 p.